

18+

*Творческая лаборатория
«Текст»*

Байки у камина

Лолита Волкова

Байки у камина. Карантин-2020

«Издательские решения»

Волкова Л.

Байки у камина. Карантин-2020 / Л. Волкова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989241-6

Здесь вы найдете байки для взрослых на любой вкус! Смешные и эротические, страшные и провокационные, волшебные и бытовые, для мужчин и для женщин, байки о любви и о жизненном успехе... Все эти байки написаны в ходе программы Лолиты Волковой «Байки у камина», хотя байки наши рассказывались и у костра, и за кухонным столом, и в доверительных разговорах. Большинство баек подходит для семейного чтения, но некоторые рассчитаны на взрослых — с их проблемами, жизненным опытом, комплексами и победами.

ISBN 978-5-44-989241-6

© Волкова Л.

© Издательские решения

Содержание

БАЙКИ-ПОУЧАЛКИ	7
О простоте и чистоте	7
Людмила Венгер	7
Солнышки	8
Мария Кривега	8
Бабушкины пчелы	9
Агнес Госсен	9
Памяти друга	10
Мия Тави	10
Двойняшки	11
Елена Самунь	11
Конвертация	12
Елена Лукинова	12
«А ты меня любишь?..»	13
Светлана Мокряк	13
Шаг	15
Елена Шмелева	15
Домик в конце улицы	17
Анна Найдек	17
Как я стал фанатом моря	18
Тея Либелле	18
Лекарство	20
Елена Голуб	20
Приволье и дочь шахтёра	21
Ирене Крекер	21
Хиты 90-х	23
Светлана Григорьева	23
Изумрудные гусенички	24
Алена Подобед	24
Похищение	26
Ида Райт	26
«Тарзан»	27
Елена Самунь	27
Перелом	29
Иралия Моисеенко	29
Зелёный немец	31
Евгения Насикан	31
Все в ваших руках	33
Наталья Швец	33
Зеленая Лодка	34
Мия Тави	34
Оставляйте	35
Иралия Моисеенко	35
Раздолбай	38
Анна Найдек	38
Сладкий клад в стиральной машинке	40

Ирене Крекер	40
Колоски и отсутствие сожалений	42
Елена Шмелева	42
Поджигатель	44
Елена Лукинова	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Байки у камина Карантин-2020

Авторы: Либелле Тея, Госсен Агнес, Подобед Алена, Кучер Алла, Найдек Анна, Насикан Евгения, Голуб Елена, Лукинова Елена, Самунь Елена, Шмелева Елена, Райт Ида, Моисеенко Иралия, Крекер Ирене, Жук Ирина, Волкова Лолита, Венгер Людмила, Голубева Людмила, Кривега Мария, Тави Мия, Маркова Надия, Швец Наталья, Овсянка, Григорьева Светлана, Мокряк Светлана, Полозков Сергей

Составитель Лолита Анатольевна Волкова

- © Тея Либелле, 2020
- © Агнес Госсен, 2020
- © Алена Подобед, 2020
- © Алла Кучер, 2020
- © Анна Найдек, 2020
- © Евгения Насикан, 2020
- © Елена Голуб, 2020
- © Елена Лукинова, 2020
- © Елена Самунь, 2020
- © Елена Шмелева, 2020
- © Ида Райт, 2020
- © Иралия Моисеенко, 2020
- © Ирене Крекер, 2020
- © Ирина Жук, 2020
- © Лолита Волкова, 2020
- © Людмила Венгер, 2020
- © Людмила Голубева, 2020
- © Мария Кривега, 2020
- © Мия Тави, 2020
- © Надия Маркова, 2020
- © Наталья Швец, 2020
- © Овсянка, 2020
- © Светлана Григорьева, 2020
- © Светлана Мокряк, 2020
- © Сергей Полозков, 2020

ISBN 978-5-4498-9241-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БАЙКИ-ПОУЧАЛКИ

О простоте и чистоте

Людмила Венгер

Жила-была старушка у синего моря. И любила она ходить по берегу, у самого края. Где вода, как будто таяла в песке. Ей очень нравилось, когда пенная волна касалась её ног.

Однажды она наступила на, что-то острое и поранилась. Кровь тонкой струйкой побежала по её ноге. Боже как нехорошо подумала старушка, здесь же пляж, тут резвятся маленькие дети, они ведь могут тоже также пораниться. Добрая старушка стала каждый день ходить на пляж собирать осколки битых бутылок, консервные банки, одноразовые стаканы, пластиковые баночки и даже гвозди попадались иногда.

При виде старой бормочущей что-то себе под нос женщины в грязной одежде подбирающей мусор в рваную сумку, отдыхающие люди отворачивались, запрещая детям близко подходить к старушке.

Посмотрите, какая она грязная говорила мама своим детям, от неё инфекцию можно подцепить, а вонь какая фу.

Обрывки фразы услышал проходящий мимо мужчина, который работал спасателем на пляже. Он подошёл к заботливой маме и сказал, что благодаря этой доброй женщине, которая собирает мусор на пляже, ваши дети могут смело бегать босиком, и что неприятный запах исходит не от неё, а оттого, что каждый из вас оставляет после себя.

*«Пусть одежда будет грязной чистым должен быть я сам,
Горе вам, сердцам нечистым, горе вам, дурным глазам».*
Абдуллах Рудаки

Эту и другие байки Людмилы Венгер вы можете почитать в ее книге «Удачные байки сезона 2020».

Солнышки

Мария Кривега

– Дети – существа особенные, светлые! Который раз замечаю! – сказал Иван Иваныч. – Помню, попал к нам как-то в отделение мальчишечка лет шести. С лейкозом.

Он был из тех, знаете, детей, на которых смотришь – и поражаешься их серьезности. Будто в теле ребенка живет дух мудреца, и он отражается в его глазах. Взрослых глазах!

– Присядьте, отдохните, – сказал он мне в нашу первую встречу. – Вижу, как вы спешили ко мне. А зачем?

– Чтоб осмотреть тебя, – удивился я. – Лечение надо же тебе назначить, чтобы ты у нас пошел на поправку.

– А я и так обязательно пойду на поправку! – с воодушевлением заявил он. – За меня же все молятся: и мама, и бабушка, и братик. Папа тоже не забывает про меня в той далекой стране, куда он уехал на войну.

– А еще знаете что? – сообщил он вдруг мне доверительно. – Мне помогают солнышки. У меня их целая сумка!

И он похлопал по двери тумбочки.

– Когда накатывает на меня грусть, или когда я вижу, как на меня смотрит мама, думая, что я не вижу – так сразу я и представляю себе солнышко, которое лежит у меня в руках. Хотите попробовать?

– Конечно! – серьезно сказал я.

– Тогда держите! – и он ткнулся в мою ладонь маленьким кулачком. – Держите-держите! Я и другим тетям солнышки даю! А то чего они такие грустные? Приходят, спрашивают о моих делах, полы в палате моют. Иногда я слышу, как они шепчутся о чем-то с моей мамой, и она тогда грустнее. Тогда я сразу представляю, как дарю им обеим по солнышку. А что, мне не жалко! У меня еще есть! А как только сумка опустеет, я себе новых сделаю. Из небесного солнышка.

– Благодарю тебя, малыш, – сказал ему я. – Ты очень мудр.

– Я-то? – Он засмеялся, и на секунду маска взрослости слетела с него. Передо мной сидел обычный шестилетний мальчик и смеялся. – Я же еще ребенок!

Позже я снова встретился с этой семьей, уже не в стенах больницы. В парке. Мама сказала, что лейкоз отступил.

– Он сказал, что и не сомневался в этом, – добавила она со слезами. – Ведь за него молились мама, бабушка и братик. А еще много-много тетей и дядей из разных больниц.

– А еще у него были солнышки, – подумал я.

Эту и другие байки Марии Кривеги вы можете почитать в ее книге «Записки психотерапевта»

Бабушкины пчелы

Агнес Госсен

У моей бабушки весь палисадник был уставлен ульями, и летом мне иногда приходилось в самую жару сидеть там на траве возле завалинки и наблюдать за роящимися пчелами, чтобы они не улетели вместе с маткой. Я до сих пор помню запах медоносных цветов, и как пчелы жужжали, словно маленькие самолетик, пикируя с нектаром к узкой щели внизу – входу в пчелиное царство.

Вдруг в воздух появился целый рой. Им стало тесно в домике. Бабушка велела в этом случае не махать руками, не раздражать пчел и сразу ее позвать, чтобы они не улетели вместе с маткой. Однажды моя сестра Оля босой ногой наступила в такой рой, приземлившись в высокой траве. Ее нога так распухла, что даже бочка с холодной водой не помогла!

Мы больше любили помогать бабушке на кухне качать мед, но и туда иногда проникали пчелы. Она вставляла соты в барабан, а мы по очереди крутили его ручку, его вращавшую, до изнеможения. Со стенок бочки стекал золотистый тягучий мед. Какой у него был чудесный запах! Можно было наесться досыта. Бабушка обрезала соты вокруг рамок и давала нам пожевать эти обрезки – жвачку нашего детства, иногда с еще живыми пчелами.

Однажды я побежала от бабушки домой с большим куском сотового меда за щекой. Бежала, потому что на запах меда за мной увязалось несколько пчел, и я от отчаяния все же замахала руками, может быть, и закричала, или пчела была уже между сотами, когда я их засунула в рот, и одна из них ужалила меня в язык. Я выплюнула воск. Язык начал распухать...

Последний подарок от бабушкиных пчел, переданный нам после ее смерти – трехлитровая банка меда.

Когда я попадаю в Германии на рождественский базар, то всегда покупаю баночку с медом в сотах, который люблю с детства...

Памяти друга

Мия Тави

В начале прошлого года узнала, что он умер. Боги, как жаль. Пусть мы не виделись с ним... а сколько? Лет тридцать уже... все равно, неважно. Боги, как жаль. Коля.

Это реальный персонаж, и поскольку его уже нет в живых, могу назвать. Коля Гнедков. Поэт и музыкант, солист группы «Идея Фикс». Нашей, новосибирской. У нас в ту пору много было хороших музыкантов. В ту пору – очень давно, даже не девяностые, конец восьмидесятых. Янка, Калинов Мост, Русская Речь, Фалетенки – это все наши.

Я тогда училась на последних курсах меда, в Областной больнице был лекционный зал, а под ним ютились музыканты. Мы туда курить бегали. Не все, конечно. Кто знал. И кого там знали.

Там я с Колей и познакомилась. Меня, в ту пору правильную девочку из хорошей семьи, весь этот «андеграунд» невероятно притягивал. Музыканты, хиппи, фенечки-гитары... другой мир. Они не такие. Не такие, как все. Первые неофициальные рок-концерты, поездки, приключения... Можно сказать, Коля открыл для меня этот мир.

А где же пчелы, спросите вы. Или не спросите. Короче, однажды мы с Колей договорились встретиться около метро. Мобильников не было, естественно. Стою, жду. Подходит какой-то дядечка, интеллигентный, но слегка помятый, с высоким лбом с залысинами. Вежливо интересуется – а вы не Колю ждете? Колю, отвечаю, а что? Ну, Коля прийти не может, он попросил меня вас найти и привести к нему... Удивилась, но почему-то не забеспокоилась. Хорошо, говорю, а далеко идти? Нет, тут рядом.

Пошли. Пятиэтажные хрущевки, обшарпанный подъезд, не менее обшарпанная квартира... а где же Коля? А вот, говорит, и показывает рукой на стенку. А там, на грязных обоях красным нарисован неплохой Колин портрет, лицо, сейчас вспоминаю – очень хорошо схвачено доброе и одновременно ироничное выражение... А рядом надпись, тоже красным: «Все в мире фигня, кроме пчел... Хотя, если хорошенько подумать, пчелы – это тоже фигня...»

Почему-то запомнился этот эпизод. С интеллигентным дядей с залысинами мы потом отжигали в Питере и его окрестностях, тоже, отдельная история, еще тот персонаж оказался.

А Коля... Коля уехал в Данию. С тех пор я его не видела. Что обидно, когда уже пошли все эти фейсбуки и прочее – не пыталась его найти. Хотя часто тусила в Европах.

Ну что скажу. Не теряйте друзей. Пусть и все в мире фигня, кроме пчел...

Двойняшки

Елена Самунь

Мне всегда нравились двойняшки, особенно девочки, даже в детстве. А потом, когда я подросла, то стала мечтать о своих детях-двойняшках. Но я же не знала, что мечты сбываются, да еще и так быстро...

Вышла я замуж, стали мы ждать ребёночка. Ну, все как обычно, ничего нового. Когда срок подошёл к середине беременности, живот уже был, как на семь месяцев... Все, особенно равнодушные люди, стали мне говорить, что я слишком много ем, раскормлю ребёнка, и тяжело будет мне рожать. Я вообще не понимала, о чем это они? Ела в основном грейпфруты, творог и яблоки. Читала умную литературу, конечно о беременности и родах. Все, как положено. Так вот, в той же умной литературе я и вычитала, что по моим параметрам живота, возможно у нас будет не один, а целых два ребёночка!

Муж, конечно же, отнёсся скептически: «Вечно вы женщины что-то выдумываете...» Но очередной визит к врачу поставил всё на свои места. «У вас будет двойня!», – радостно сообщила врач.

Море восторга и гордости переполняли мое сердце, ну и конечно, мизер – тревоги.

На работе, узнав про чудесную двойную новость, все спешили поздравить и не скрывали радости по этому поводу. И только одна очень мудрая и добрая женщина сказала мне: «Сочувствую я тебе, Леночка. Двойня это хорошо, когда им уже лет по двадцать будет, а вначале это очень и очень тяжело. У меня у соседки двойня. Знаю не понаслышке».

Ну, честно вам скажу, ошарашила эта женщина меня, Марьей Николаевной ее звали. Я даже в глубине души обидеться на нее смогла. Все поздравляют, а она...

Время беременности пролетело, как миг и на свет появились две чудесные малышки. Гордость переполняла меня до краёв, дня два точно, после выписки из роддома... Потом оказалось, что мои девочки все время плачут, хотят есть и почему-то никогда не спят! А еще у каждой из них (оказывается!) свой график, потому что это два разных человека, а не как мне говорили: «Вот и хорошо, за раз двоих родишь и отмучилась.»

Так вот, честно вам скажу, положи руку на сердце, Марью Николаевну я вспоминала еще долго, с ее самыми правдивыми словами: «Сочувствую я тебе, Леночка...»

Конвертация

Елена Лукинова

Была в нашей семье одно время забава – играли с детьми в карты в дурака. Да не просто так. На просто так младшей неинтересно было.

Она – азартное чадо, хотела на деньги.

Не, ну я же вполне нормальная, адекватная родительница. Я так думаю. Что нормальная. Хотя что оно есть норма, кто знает? Так это я к чему? На деньги я категорически отказалась играть. Но вот на интерес!

На какой, спросите вы?

Ха! На полезный!

На посуду помыть, на прибраться, на всякие ещё другие дела по дому. Педагогика, ёклмн! В общем, в какой-то момент старшая дочь перестала с нами играть по причине, я думаю, понятно по какой. Типа, а не пошли бы мы лесом и она нам не Золушка. О, как!

Так, чтоб понятно было, играли мы не один раз и не один день.

После самоудаления старшей дочки из игр в Золушках оказалась я. Проиграла уже по домашним делам, все что можно было на энный срок вперёд.

Но русские не сдаются! Эх, и азартная, я, оказывается, мать!

– Ма, – сжалилось надо мной моё чадо, – ты уже столько проиграла. Столько всего тебе делать. Давай на массаж? Один проигрыш приравниваем к 20 минутам массажа.

– А, давай! – я в запале все ещё надеюсь отыграться.

Проиграв час массажа мы понизили ставку до десяти минут.

Когда я уже должна была 80 минут, мой домашний шулер, ну а как ещё можно объяснить её нереальное везение, взяла в руки телефон.

– Таааак. Посмотрим в инете, по чем у нас сейчас массаж?

– Таиска, зачем?

– МА, мне двадцати минут массажа с головой хватит. А час массажа я кому-то продам.

Мораль? Будьте аккуратны со своим азартом.

Зная, что азартна -НИКОГДА не буду играть на деньги. Азарт нужен и хорош в других делах. В каких, спросите вы? А подумайте!

Р. S. С домашними делами мне дети помогли. Правда, карт-бланш на подшучивание надо мной получили надолго. Ну и массаж... Упс. До сих пор не отработала.

«А ты меня любишь?..»

Светлана Мокряк

История эта случилась холодным сентябрьским вечером, можно даже сказать глубокой ночью, на пропускном пункте украино-польской границы.

Если быть совсем точным – то десятью годами раньше, когда прочный семейный бизнес, словно корабль, потерявший капитана и штурмана и отданный по наивной вере в порядочность на разграбление шальной команде, налетев на рифы, пошел ко дну.

Единственное, что удалось спасти из пучины банкротства, набегающих девятым валом долгов и процентов на эти долги – гордо реющее знамя с вышитым на нем семейным девизом: «Мокрячки никогда не сдаются!» и, собственно, двух младших мокрячек – старшей на тот момент было пять лет, а младшей гусечке-гугусечке пошел шестой месяц.

А папу-капитана, в полном соответствии с законами жанра, выбросило бурными волнами на скалистый остров посреди Атлантического океана.

Где лазурное небо, бирюзовые волны и длинноногие пальмы сбегают с вечнозеленых холмов навстречу семицветным радугам, где растут лучшие в мире бананы, а вас ждет обещанный рай в арендованном шалаше.

Вот в этот рай на отдельно взятом острове мы и летели десять лет спустя. Летели налегке, по туристическим визам через дружественную Польшу и с двумя маленькими чемоданами – в гости, как было написано в приглашении.

То, что мы летели навсегда, было ясно и понятно всем.

Нам – уезжающим в новую жизнь, простившимся с родными и друзьями, школьными подругами и тем единственным мальчиком, который еще вчера сидел с тобой за партой, памятью о ком была маленькая смешная куколка в зеленой шляпке и светлыми золотистыми волосами, неуловимо напоминающую испуганную девочку, что теперь прижималась к маминым ногам и старающуюся понять о чем ее спрашивает на непонятном языке строгий дядя в полицейской форме.

И уставшему к концу смены офицеру в форме польского таможенника – привычным наметанным глазом он выделил из толпы пассажиров маму с двумя девочками, с приглашением и двухнедельными визами.

Только в одном профи ошибся – нам не нужна была *Rzeczpospolita**, нас не манили высокие шпили католических костелов Кракова или красавица Варшава и мы не были в курсе почему обменивают злотые на доллары.

– Что пани собирается делать в Польше?! И где пани будет жить?!

– Мы едем к папе, дядя-полицейский, – прошептала маленькая девочка. – Мы не едем в Польшу.

– А где живет наш папа? – насмешливо прошипел таможенник и приготовился выслушивать очередную слезливую байку с путанными названиям отелей, незнакомых имен и городов.

Но гордое семейное знамя уже незримо реяло на флагштоке, сияли на ветру золотые буквы семейного девиза, а мама (штурман, боцман, кок и судовой врач в одном лице) раскладывала на столе перед опешившим от неожиданного натиска офицером пасьянс веером: что будет, чем сердце его успокоится.

Мелькали визы, разрешения, виды на жительство, контракты.

Последней каплей стали билеты на самолет, где конечным пунктом назначения был прописан город у подножия древнего вулкана на берегу лазурного океана – Фуншал, Мадейра, Португалия.

Билеты были только в одну сторону.

Без права на ошибку.

С верой в себя.

С надеждой на встречу.

И с безграничной любовью.

О ней трогательно запела золотоволосая кукла в руках у младшей из мокрячек – дочка изо всех сил сжимая игрушку-талисман, надавила на кнопку под платьицем и слова, которые прозвучали в пустынной комнате таможенного досмотра прощальным приветом из прошлой жизни, были по-детски чисты, честны и искренни:

– Слушай, как бьется мое сердечко – тук-тук-тук!

Это значит: Я тебя люблю!

Фото Ольги Максимив

Нас отпустили.

Последнее, что я по-настоящему помню (хотя еще была долгая дорога, часы ожидания, стучащие от страха зубы, вкусный обед, приветливые стюардессы и кофе в Лиссабоне) – посадочные огни аэропорта и взволнованно размахивающий руками папа-капитан.

А маленькая кукла жива до сих пор.

И разве так уж важно, что за годы поблекли яркие цвета нарядного платья, поредели светлые локоны и где-то в бурных волнах жизни потерялась одна нога – алое тряпичное сердце по-прежнему наивно и преданно поет о любви!

*Rzeczpospolita (польск.) – Название польского государства.

Шаг

Елена Шмелева

Девочка робко показала папе свою работу.

– Знакомый сюжет, копируешь мастеров, воруешь идеи, – отец мельком взглянул на холст и опять уткнулся в бумаги.

– Я вовсе не украли эту картину. Я в нее вошла! Здесь другая изумрудная реальность, созданная мной. Доски мостика покрашены синим. Великий художник использовал зеленые и коричневые цвета. Он посадил огромные деревья, нимфеи, а я... – девочка не успела договорить.

– Значит, ты украли его сюжет! – отец чуть дольше задержал взгляд на полотне.

– Нет. Я восхитилась и шагнула внутрь! Я посадила в новом пространстве лилии, иву и траву. Наполнила это место своими чувствами.

– Ты скопировала, – отец явно не хотел продолжать разговор.

– Зачем мне точная копия? Я прониклась красотой, которую написал Художник и создала эту изумрудную картину. Он вдохновил меня, может быть, и я тоже кому-то передам свою радость.

– Просто ты не можешь придумать собственный сюжет. Вот и присваиваешь чужое. Так и скажи: «Я срисовала». Если хочешь чего-то добиться, ты должна много трудиться, получить профессиональные навыки, а потом уже рисовать, – отец замолчал, его взгляд был серьезен.

Девочка вздохнула и тихо проговорила:

– Пожалуй, я пойду.

Шаг. Синие доски моста. Ветер шелестит листьями. Запах лилий и воды. Еще несколько шагов. Девочка вспомнила недавний разговор. Как раньше она много угодничала, чтобы получить признание и похвалу от взрослых. Сейчас они ей не были нужны так же, как и разрешение отца на творчество. Но разговор ее расстроил.

«Все-таки мне обидно, что папа не оценил мою работу», – призналась она самой себе. Ей вспомнилась одна из любимых цитат: «Держаться за собственный гнев и обиду все равно, что выпить яд и при этом ожидать, что умрет другой». «Будда прав, – девочка улыбнулась, – я совсем не хочу быть отравленной ядом. «Каждый рассуждает так, как он считает нужным. Может папа прав?» – этот вопрос очень неожиданно прорвался сквозь горькие мысли.

Девочка вспоминала, как много она обижалась раньше, подавляла свои чувства, слыша без конца: «Не кричи! Нечего надувать губы! Кто ты такая, чтобы высказывать свое мнение? Не рыдай...» Уж слишком много было этих замечаний. «Молчи и делай так, как я говорю», – родители, воспитатели, учителя – все они часто это произносили. «Стань удобной для нас, тогда, может быть, мы обратим на тебя внимание», – вот что девочка хорошо запомнила с детства. Она вспомнила, как ее замороженные и спрятанные обиды иногда вырывались наружу и превращались во вспышки гнева.

Девочка положила руку на сердце и спросила саму себя: «Что чувствую я сейчас?» Ответила коротко и честно: «Обиду и злость». Она не стала ругать и стыдить себя за эти мысли просто позволила им разойтись, как кругам на воде от брошенного камушка.

«Как здорово, сейчас можно позволить себе проживать все, что я чувствую!» – девочка вздохнула, ушла горечь, оставшаяся от разговора с отцом.

Еще шаг. Золотистые крылышки, неведомо откуда взявшейся бабочки, коснулись ее плеча. «Это же моя реальность!» – воскликнула девочка, у нее за спиной появились серебристые, переливающиеся всеми цветами радуги, легкие и тонкие крылья феи. Она полетела вниз

к изумрудной воде, встретившись с розовой лилией, улыбнулась ей, залюбовалась капельками на ее лепестках, в них отражались лучи солнышка. Водные цветы были разные: фиолетовые и желтые, голубые и белые, все приветствовали гостью тонкими сладкими ароматами.

«Мы будем веселиться и радоваться жизни!» – крикнула крылатая фея им и вспорхнула на мост.

Вечером перед сном отец обнял дочку: «Знаешь, а ты хорошо рисуешь, мне нравится». Девочка прижалась к папе: «Я буду много учиться и буду профессионально рисовать, так ты мне посоветовал».

*Эту и другие байки Елены Шмелевой вы можете почитать в ее книге «**Баклажановый сироп**»*

Домик в конце улицы

Анна Найдек

- Бабуся, ласказы истолию, настоящую, не плидуманную!
- Хорошо! Ложись, милый. Слушай.
- Когда-то давно, когда твой папа был таким маленьким, как ты, жил на нашей улице домик.
- Гномик?
- Нет, домик. Домик был очень маленьким. В нём помещался только один большой человек, ну, или два маленьких. Не больше.
- А я с мамой поместился бы?
- Думаю, да. Домик любил гостей, и дверь у него никогда не закрывалась на замок. Ещё в домике были большие окна, почти на всю стену. И всем было видно, кто сейчас внутри. Иногда приходилось даже немного подождать, чтобы тоже попасть в гости.
- А ты в нём была, бабуся?
- Да, много-премного раз.
- А что ты там делала?
- Я говорила домику своё желание, а он помогал его исполнить. Домик знал почти всех на нашей улице. Знал, кто чем болеет, кто по кому скучает, кто и когда приедет в гости. И ещё много-много других секретов. Но он умел хранить тайну. Ты умеешь хранить тайну?
- Навелна... А какую?
- А вот какую. Таких домиков в городе было много. Почти на каждой улице. И они умели друг с другом разговаривать...
- Бабуся! А ты не влесь? Ты всё плидумала, не бывает таких домиков!
- Не вру, но немножко сочиняю, чтобы тебе было интересней, милый. Так вот. Однажды я пришла в домик и горько плачу, потерялась моя собачка Кнопка. А домик мне подсказал идею – повесь на дверце объявление, может кто-то встречал твою Кнопку. Придёт в гости и прочтает. И да, представляешь, один человек увидел объявление и привел собачку домой. Так я познакомилась с твоим дедушкой.
- А есьо какие чудеса были?
- А ещё было – сильно заболела твоя мама. Нам нужен был доктор Айболит. И домик мне помог его найти. И маму вылечили. Внутри домика была копилочка, я бросила в щёлочку маленькую монетку – поблагодарить.
- А где домик сейчас?
- Он стал совсем стареньким. Но так хотел помогать людям, что рассыпался на много-много мелких корбочек, чтобы у каждого на нашей улице был кусочек его души. На память.
- Ой, показы мне колобоцьку!
- Вот!
- Бабушка с улыбкой достала из халата мобилку.

Эту и другие байки Анны Найдек вы можете почитать в сборнике «Бася роняет тень».

Как я стал фанатом моря

Тея Либелле

Согласитесь, самые лучшие байки рассказывают мужики. Они у них, как и табачок – крепкие.

Расскажу и я свою. Полвека тому назад, поехали мы с женой и двоими маленькими детьми на море. Денег было немного, поэтому решили разделить путешествие частями: на Азовском море три дня и в Крым на два.

В Кирилловке курорт еще тот. При въезде – пансионаты, частные гостиницы, кемпинги. Нам они вышли не по карману. Мы остановились на пляже. На берегу несметное количество небольших деревянных домиков с железными крышами на высоких железных сваях, окруженных умывальниками и трубами с кранами. Из них можно было и пить. Ни одного деревца в округе. О кондиционерах никто не помышлял. Условия были как в пустыне, но мы радовались высокому солнышку, мелкому морю и смене рабочей обстановки.

До деревни недалеко, там можно купить съестные продукты и повеселиться. Мы набрали с собой китайской лапши и покупали детям только фрукты, овощи и молоко.

Первые два дня ничем не запомнились. Прошли одной характеристикой: море, солнце и вода, с перерывами на еду. Собираясь продолжить морское путешествие, я красный, словно рак, удовлетворенно бросил прочитанную повесть «Трое в лодке, не считая собаки» Джерома К. Джерома среди упакованных вещей. «Бывают же приключения у людей!» – мелькнула мысль у меня, когда я поворачивал ключ зажигания.

Проезжая поворот на Чонгар, образовалась пробка из большегрузов. Уже светало и глаза слипались. Вдруг меня обогнали Жигули и он резко вильнул вправо. «Хррх!» Раздался скрежет подо мной и что-то сильно качнуло наше авто так, что мы с женой подпрыгнули в сиденьях. В глазах зарыбило от авариек, впереди стоящих автомобилей. Кто-то уже бежал навстречу, размахивая белой майкой в руке... На обочине метались обескураженные владельцы автомобилей, поврежденных выпавшим из КАМАЗа «башмаком». Следующий ночлег наш прошел неподалеку, в авторемонте. Спасибо мастеру, что пропустил без очереди. Говорит, сам в Литве с семьей сидел на вокзале сутки.

То, что с нашими детьми не совсем все в порядке, мы поняли к обеду. Бледные, с кругами под глазами, они практически не покидали туалет.

– Вот рецепт, купите в аптеке в Ялте! – сочувствуя протянул мне, оказавшийся по профессии педиатром, водитель восьмерки.

В Русскую Ниццу мы приехали опять же на рассвете. Остановившись на автовокзале, я отправился искать аптеку. Спускаясь в подземный переход, я порвал сандалии. Из-за угла на меня выскочила девчонка с водяным пистолетом, я поскользнулся на ступенях, нога нелепо съехала и привет!

В аптеке напомаженная мадам, отпускающая лекарство, все время косилась на мои босые ноги и сандалии в руках.

В Симеизе я снял жилье быстро, согласившись, как говориться, не глядя. Полтора доллара за человека мы могли себе позволить. Кровать во дворе под инжиром успокоила наших детей и разморило на сон, после нормального душа и домашнего борща. А я был готов выпить бочку пива...

Правда, через какое-то время выяснилось, что туалет в наших «апартаментах» находится через дорогу. Стоит, как шкаф, приветствуя прохожих. В нашей комнате за тюлью, прячется стеклянная дверь в комнату квартиранта-официанта, а за ковром, который, оказывается, вре-

менно служил перегородкой и висел над нашей с женой тахтой, спит, как на иголках, чья-то родственница из далекой Сибири.

*Эту и другие байки Теи Либелле вы сможете прочитать в ее книге «**Стрекоза**»*

Лекарство от жадности... с хвостом

Елена Голуб

Эта история случилась много-много лет назад, когда сыновья мои были озорными мальчишками. Теперь она стала одной из семейных баек-поучалок, которые я рассказываю «в лицах» любимому внучку. Пусть набирается ума-разума.

– Ха-ха! – потирая ладошки, ликовал Старший.

Он только что выманил у Младшего последнюю мандаринку из новогоднего подарка и предвкушал, как откроет свой целёхонький пакетик и на глазах у брата будет смаковать каждую конфетку, каждую апельсиновую дольку. Пусть мелкий хнычет, а ещё лучше, заплачет от обиды!

– Такой простофиля: всё раздал-разделил. А нужно быть умнее! Вот я заныкал кулёк с утренника, припрятал так, что никто не догадается. И теперь буду царь горы! Пусть даже шоколад из ушей ползет, сам всё съем! Ну если малёк будет канючить, так и быть, отломлю кусочек. Но взамен такое попрошу... в общем придумаю заданьице, так что мало не покажется!

Посмеиваясь и оглядываясь по сторонам, Старший отправился в укромный уголок – узенький коридорчик между спальней и гостиной. Отодвинул ногою полосатый домотканый половичок, с усилием рванул за кольцо крышку погребка и стал шарить рукою в потёмках.

– Ну где же этот хрустящий пакетик с новогодней вкусняшкой?

Включил фонарик: внизу не было ничего, кроме разорванных фантиков и пары апельсиновых корочек со следами крысиных зубов.

– Нет! – завопил Старший на весь дом и злые слёзы брызнули из его глаз. На крик бежали все домочадцы.

– Что случилось? – допытывалась встревоженная мама.

А он лишь судорожно вытянул ладонь с зажатым обрывком изжёванного подарочного пакета.

– Караул! Крысы обокрали! – догадался папа.

Младший стал всхлипывать, жалея брата и вопросительно посмотрел на маму. Она приложила палец к губам и молча поманила малыша в соседнюю комнату. Оттуда Младший вышел, что-то пряча за спиной.

– Это тебе! – протянул он Старшему батончик «Марса».

Тот схватил шоколадку, рванул шелестящую обертку и... замер в раздумье на несколько секунд.

– Слушай, мелкий, давай пополам разделим?

И пацаны вприпрыжку поскакали на кухню.

– Ну вот, все довольны! – улыбнулась мама.

– Думаю, что крысы тоже не в обиде, – усмехнулся папа.

– Ну а главное – жадины кое-что на ус намотают, – добавила бабушка, оторвавшись на минуту от довязывания очередного цветастого коврика.

Приволье и дочь шахтёра

Ирене Крекер

В гостиной у камина я познакомилась с женщиной, родом из средней полосы России. Встреча с ней всколыхнула в памяти события далёкого прошлого. Испытывая доверие к почти незнакомому человеку, я поделилась с ней сокровенным:

В последнее время часто брожу во сне по безбрежным полям. Различные по виду злаки кланяются мне колосьями, но я не знаю их названий. Бреду по полю, предполагая, что это пшеница, вдыхаю её запах и улыбаюсь сквозь слёзы, как будто домой вернулась.

Вспоминаю часто отца, как он зимними вечерами рассказывал нам о родном степном крае с неземным ароматом трав. В такие моменты он был поэтом. Говорил о том, что в вечерние часы воздух его детства наполнен ароматом левкоя душистого, матиолы и вечерницы печальной, медуницы, резеды, чабреца. Для меня, родившейся среди шахтёрских терриконов, эти названия до сих пор кажутся сказочными.

Сегодня я думаю, что, если бы отец не уехал рано из посёлка Кутерля Красногвардейского района Оренбургской области, и не поступил в авиационное училище, не стал авиамехаником, и если бы не было четырёх лет войны с Германией, погрузившим его, как немца по национальности, в шахтовые выработки Кузбасса, он бы стал учителем географии, или литературы, или поэтом, прославившим свой любимый край.

Разнотравно-ковыльная степь будила во мне желание посетить его малую родину. Неведомая земля волновала своими просторами, чудными названиями.

Мою мечту отец не посчитал абсурдной, поддержал в планах на лето, выделил деньги на поездку и отправил в самостоятельное плавание по стране.

С этого момента я почувствовала себя на ступеньку выше на пути взросления. Мне тогда было неполных шестнадцать. Первый раз в жизни я приобрела билет на поезд. Помню, что женщина-кассир по ошибке дала мне сдачу на четырнадцать рублей больше. По дороге домой я несколько раз пересчитала деньги. Когда ошибка подтвердилась, с полпути вернулась и отдала ей лишнее. Кассирша посмотрела на меня непонимающим взглядом, но деньги взяла.

Я летела домой на крыльях мечты и была уверена, что поездка удастся, так как я знала приметку: если совершишь хорошее дело, то тебе это вернётся тройкратным добром.

Мама, большая мастерица в швейном деле, нашла мне в дорогу всё необходимое: платья, сарафанчики, блузочки, косыночки. Таким богатством я никогда не обладала. До сих пор помню фасоны платьев, и её, милую, вечерами творящую чудеса. Родители волновались, потому что мы жили в Новокузнецке Кемеровской области, и мне предстояла пересадка в городе Куйбышев, на Волге.

Новое всегда пугает и напрягает, зовёт и притягивает неизведанным, и я смело пустилась в путь. Вагон был общий. Двое суток езды. На моё счастье в купе оказалась пожилая женщина, которая помогала мне. Это было первое добро, которым Вселенная ответила на моё открытое чувство любви к людям.

Попутчица угощала меня любимой варёной картошкой и приговаривала:

– Чего стесняешься? Чай не объешь. Да, вот и хлебушка я на дорогу напекла.

А хлеб был таким запашистым, пропечённым, с какими-то добавками зёрен, молотых орешков и ещё чего-то необыкновенно вкусного и незнакомого, что я не стала отказываться и уплетала его за обе щёки.

– Такой вкуснятины я никогда не ела, – нахвалила я хлеб.

Женщина мне и рецепт поведала, который я с годами напрочь забыла. Но, к удивлению моему, когда в первый раз в Германии купила булку свежесдобитого хлеба ржаного помола, то почувствовала запах и вкус хлеба из страны юности.

А тогда мы с моей попутчицей ели жареную курицу, запивая чаем из стаканов с чудесными подстаканниками, и на душе было светло и радостно. На полустанках я выпрыгивала из вагона то за водой, то за солёными огурчиками, яблоками и помидорами. Это была свобода полёта, которую я принимаю сейчас как подарок судьбы.

Поезд проследовал по территории уральских гор. Мы увидели табличку на столбе, разделяющем Азию от Европы. Я была горда, что мне довелось увидеть эту грань, этот рубеж. В ту поездку я испытала свободу от условностей, навязываемых школой, семьёй и обществом.

В то время я была стройной, но угловатой, рыжеволосой, к тому же близорукой девочкой, да ещё с комплексом неполноценности. Очки носить стеснялась, прятала без чехла в карман, боясь прозвища «очкастая». Часто разбивала стёкла и, плача от страха, что теперь не увижу с последней парты написанного на доске, жалела отца, понимая, что ему опять придётся ехать в город, искать мне нужные стёкла, оплачивать их. Я ещё не понимала цену денег, но знала, что радости это никому не доставит и что я не имею право делать кому-то больно. В эту поездку на родину отца даже стёкла в очках у меня целыми остались, и я это тоже посчитала за чудо.

Запомнился и ещё один момент, как за час до пересадки в Куйбышеве, познакомилась с молодым военным.

– Ты знаешь, мама моя такие чебуреки выпекает, пальчики оближешь. А манты? Ты ела когда-нибудь манты? Если в них положить к мясу побольше лука, да приправить перчиком, да на пару приготовить...

К тому времени я уже основательно проголодалась, и беляши, за которыми он выпрыгнул из вагона на одном из полустанков, показались мне райским блюдом.

Парень рассказывал о своей судьбе, приглашал в гости. Был уверен, что я его маме непременно понравлюсь. Именно он помог мне в Куйбышеве, проводил на нужную платформу, посадил в вагон поезда, следующего в направлении Оренбурга. Я махала ему из поезда платочком, прощаясь и уже тогда понимая, что мы не увидимся больше в этой огромной стране, где множество людей встречаются и расстаются ежедневно.

Вокзал Сорочинска, последнего пункта моего назначения, был небольшим. Пассажиров всего несколько. Среди них не оказалось встречающих меня. Сердце дало себя сразу почувствовать, так как я к этому не была готова. Не дожидаясь встречающих, я сама решила добраться по адресу, который, к счастью, у меня был.

И здесь нашлись добрые люди, которые разбирались в местных населённых пунктах. Несколько сильных рук помогли взобраться в кузов крытой грузовой машины. И вот в предрассветной мгле я уже на машине мчусь по оренбургским степям навстречу новым чудесам.

На развилке дороги меня высадили, показав рукой направление дальнейшего пути. На моё счастье, именно здесь, на этом перекрёстке дорог посреди бескрайнего поля колосющейся пшеницы, состоялась неожиданная встреча:

– Как зовут тебя? Ты – дочь Ивана? – услышала я неожиданный голос, прозвучавший со стороны пшеничного поля, где расположилась группа мужчин, отмечающих с утра какой-то праздник. – Так я тебя еду встречать...

Усталость уступила место удивлению, непониманию, своего рода недовольству, но вместе с тем и радости, что прибилась, наконец-то, к какому-то берегу и не потерялась посреди безбрежных степей, засаженных различного рода злаковыми культурами.

Эту и другие байки Ирене Крекер вы можете прочитать в ее книге «Байки тётюшки Ирене».

Хиты 90-х

Светлана Григорьева

Оставшись в 90-е не у дел (или еще я числилась в НИИ, а зарплату там не платили?), влилась, как многие в то время, в челночный бизнес.

О, это была еще та романтика!.. Сначала несколько раз съездили с бывшим в Брест. Потом новым пунктом назначения стал Ковель, приграничный городок Волынской области. Сколько раз туда мотались!

Что там творилось!.. Вокзал маленький, а народу – тьма... Порой невозможно было просто примоститься. Покупатели, продавцы, «транзитные»... Приехали как-то – зал забит, яблоку негде упасть, ночь просидела на высокой урне, цилиндрической. Ну романтика же?.. (Мы, молодые, «безбашенные», все воспринимали весело!)

Набирали, везли из Ковеля разную дребедень. Которую туда в свою очередь пёрли из Польши.

Помню, «хитами» были мужские джинсовые рубашки с вышитым орлом. Привозили их, а потом «сплавляли», с рук или через комиссионки.

Но настал момент – плохо «идут» рубашки, может, много напёрли их...

Я переключилась на джинсовые юбки. Были тогда в моде такие, с вышитым цветком, они и симпатичные, и женщин стройнили...

В Ковеле их так и называли «юбки для полных пани». И вот набирала я этих юбок, а потом стояла с ними на рынке...

Подходили женщины, покупательницы. Меряла (чуть ли не сама) сантиметром им талию и давала «их» юбку...

Самое удивительное, что это был беспроигрышный вариант. На каждую юбку находилась пани, ни один «хит» не залежался...

...

А после настало время новых «хитов»...

Изумрудные гусенички

Алена Подобед

Помню, как в перестройку решили мы с мужем подзаработать. И повез он меня на выходные к тетке своей в Мичуринск.

К слову сказать, сама-то она в гости наезжала регулярно. Да еще и с товарками. И пока мы корпели в застенках НИИ, она успевала прочесать все самые дефицитные торговые точки столицы, а вечером, откушав наших небогатых харчей, победно разложить перед нами свою добычу. Мол, видали, дурни, что тут у вас под носом-то плохо лежит, а вы и не чешетесь? Мол, поглазели, пооблизывались, и будя. Пора и на боковую – на полу вам уже постелено.

Измученные незваными гостями, не знавшими ни меры, ни совести, решили и мы сделать ответный визит.

По всему выходило, что тетка-то при деньгах. Она ж ангорских кроликов держала и вязала из пуха варежки-носочки. В ее краях испокон веку этим промыслом подкармливался народ.

Жила вдовая тетка в довольно просторном частном доме, чердак которого по осени забивала доверху палой кленовой листвой. Кролики получали ее в качестве витаминной добавки к колобкам из вареных картофельных очистков и сырой перловки.

Время было, сами знаете, какое: из чего нашли, из того писчу и херовертили. И не только для зверья. Когда дефолт 98-го шарахнул, у нас с мужем из налички был разве что пшик с маслом. И видя как обезумевшие соседи закупались стиралками и телевизорами, спасая остатнее, мы неспешно отоваривались курдючным салом и соевым фаршем – это все, что оставалось в продуктовом.

Плюс морковь, лук, кусок белой булки, и... извольте откусать паштетик. Невесть что, особенно для наших совсем еще небольших мальчишек. Но все же лучше, чем ничего. Молодили за милую душу. Плюс щипки из квашкапусты да смородиновый морс.

Спасибо моим родителям. Дети войны, они еще помнили голод и потому всякий год на зиму забивали дачный погреб домашними соленьями-вареньями и мешками с картохой-моркохой.

Так, с божьей помощью, и пережили стремное время. И дождались-таки – банк «Москва» выдал нам наши скромные сбережения. Он тогда чуть ли не единственный и не лопнул...

Но вернемся к нашим ба... кроликам. Поездка эта в плацкарте была для нас тогда сравнима разве что с вояжем на курорт. А заветное «Мичуринск» не могло не ассоциироваться с чудесами селекции и фантастически вкусными гибридами всех мастей. Хотя ничего и близко похожего мы там так и не увидели и не отведали.

Что до тети Тамары, то приняла она нас радушно, врать не буду, а утром спровадила на базар – прикупить сырья.

И тем же вечером взялась за прялку, присучивая к толстой фабричной хэбэшке чесаный пух из кудели. И наконец-то сели мы с ней вязать.

Это дело я любила: вся семья мной была обвязана с ног до головы и обратно. Всем, кроме варежек.

Насобачилась я в момент, да еще и с затейливыми узорами: где белым по серому, а где и наоборот. Но дело-то не в них, а в том, что тетки мичуринские после вязки свои изделия над паром начесывали. А у меня из-под рук все уже мохнатое выходило. Да так быстро, что за два дня навязала я тех варежек несметную гору. Чем и ввела в состояние шока дорогую Тамару Александровну. И решила она все это конфисковать. Ну, как бы в качестве платы за науку.

Да... Видно, сила есть в руках у меня неведомая... или была да рассосалась за невостремованностью.

Бизнесменов-то из нас пуховых так и не получилось. Дело это оказалось муторное и не сказать, что доходное. Да и за сырьем в Мичуринск не намотаешься...

Свой основной куш ушлая Тамара имела не на кролях, а на спекуляции московским дефицитом.

Вернулись мы домой. Я извязала всю ангорку, навертев еще и носочков с шапочками. Муж в одну ходку толкнул их на вещевом рынке – чуть с руками не оторвали.

На том и конец...

...Хотя не совсем. Привезли мы тогда из Мичуринска не только пряжу, но и пару саженцев яблонь: зимней Оранжевой и Новомосковской, которая ниже привоя взяла, да и отрастила второй – безымянный, но очень вкусный сорт.

И одаривает до сих пор кисло-сладкими полосатиками и бонусными «преснухами». Но по мне, так они самые вкусные и есть.

Давно все это было, но помню отлично, как, распаковывая яблоньки, нашли мы в молодой листве невиданных для Подмосковья изумрудно-прозрачных гусеничек, пахнущих лимоном.

Удивил-таки Мичурин!

Эх, да где ж вы, годы молодая,

Роллинг Стоунз, Дорс, Битлы...

Похищение

Ида Райт

Однажды я отдыхал в пионерском лагере. Подружился я там с Вадиком. Обыкновенный такой себе парнишка, только немного был повёрнутый на космосе. Сколько разных историй он нам рассказывал, но сейчас речь не о том.

Как-то ночью разбудил он меня, шёпотом сказал, что хочет что-то показать. Тихонько вылез из-под одеяла, одел шорты с футболкой, пошёл за ним. А лагерь наш был в сосновом бору, огороженный забором. Вот к этому забору Вадик меня и привёл. Пролезли мы через щель, и пошли в лес. А там какой-то свет необычный сиял, мерцающий голубыми оттенками. Да так ярко, что я спросил Вадима, что это такое. На мой вопрос он не ответил, только палец к губам приложил.

Мы осторожно, с опаской подходили к поляне. А над ней висит огромный шар всего полметра от земли. От страха мы упали в траву. Шар начал двигаться в нашу сторону. Вадим вдруг встал и пошёл навстречу. Я пытался остановить его, но он был, словно под гипнозом. Я остался стоять, а Вадим подошёл к шару и исчез в нём. Шар стал подыматься всё выше, пока я его потерял из виду.

Не знаю, сколько я так простоял. Когда очнулся, уже светало. Побежал, размазывая слёзы по щекам, в лагерь, устроил там переполох. Плача, рассказывал пионервожатым, что Вадима украли инопланетяне. С ними же пошёл на поляну, показать, где это случилось. И что, вы думаете, мы там увидели? Вадима, который мирно спал на траве. Я смотрел на него и не верил своим глазам. Когда его разбудили, он был удивлён, что находился в лесу. Он ничего не помнил, представляете? Как я его не расспрашивал, какие только вопросы не задавал, но Вадим ничего не рассказал.

Меня, после этого случая, в лагере называли фантазёром. Но знаете, что самое удивительное? Вадим перестал интересоваться космосом, да и истории, которые знал, больше не рассказывал. Как будто ему память стёрли.

Вот, хотите, верьте, хотите, нет. Но я сам это видел, своими глазами.

«Тарзан»

Елена Самунь

Сколько себя помню, я очень любила читать. Читала всё, везде и всегда. Иногда это занятие было совсем бесполезным, когда читались надписи на заборах. Иногда даже вредило, как оказалось, моим родителям. Я тогда в шесть лет прочитала объявление о наборе в музыкальную школу и не отстала от мамы до тех пор, пока не пошла туда учиться. Ну, а папе пришлось тащить пианино на пятый этаж. А как по мне, чтение – удивительный мир, открыв который однажды, никогда не захочется его закрывать.

Мама, говорила: было время, когда меня читать не заставишь. Такого не помню. Помню – не оторвешь.

Читала, как уже говорила, всегда: днем и ночью, при фонарике под одеялом, в туалете, в коридоре, на второй полке поезда Одесса-Москва и обратно. Близко к сердцу брала все переживания, выпавшие на долю героев. Рыдала над «Оводом», боялась страшно «Всадника без головы», влюблялась вместе со Скарлетт, восхищалась красотой Анжелики и т. д.

Однако особое место в моей жизни занимали тринадцать частей «Тарзана». Это было нечто. Я вместе с ним по джунглям на лианах, с приключениями, всегда с победой. Бесстрашный, сильный... Да, что уж и говорить, он был моим идеалом. А вот, вы, знаете? Я и мужа себе Тарзаном выбрала, только сейчас это поняла. Только тот по лианам да по джунглям, а мой – балкон стеклил на одиннадцатом этаже: САМ и без страховки! Вот я страху натерпелась. У нас то лиан нет, чтобы спуститься на первый, если что... Зато бесстрашный и сильный! Прямо, как в книжке!

Ой, уклонилась от темы. Про чтение, значит, я.

Лето я всегда проводила или у одной бабушки в деревне или у другой в городе. Ясное дело, деревенская жизнь в моих глазах была настолько увлекательной и неизведанной, что вызывала море эмоций. И когда я подросла, то и учиться пошла в городок, расположенный неподалёку от бабушкиной деревни. А там и друг мне случился сердечный, запала я ему в сердце значит.

Первые встречи о чем говорить? О книгах, конечно!

– Ты, – говорю, – какую книгу сейчас читаешь?

Он в ответ немного сконфузился, но сказал правду:

– Я не люблю читать.

Вот тебе раз, думаю.

– Так ты что, книжек и вовсе не читаешь?

Он глаза опустил, стыдно видно стало. Ну, я его тут же успокоила и говорю: «Бывает, мол, и такое». Но и тут же спросила:

– А хочешь, я тебе такую книжку привезу, что тебя за уши не оттянешь от нее?

Он недоверчиво посмотрел, но, молодец, сказал чётко и ясно:

– Хочу, вези!

Он, видать, в моих глазах вырасти хотел и согласен был на что угодно.

Ну, так вот, стала я ему книжку за книжкой все тринадцать штук и возить. А он все читал и читал, а потом и признался мне в один тёплый летний вечер:

– Глаза на мир ты мне открыла своими книжками! Теперь меня от чтения не оторвать!

Розы мне еще на день рождения подарил метровые голландские, без шипов. Первые. Но это, уже совсем другая история.

Вот так. Много ли, мало ли, но одно доброе дело я точно сделала – привила другу любовь к книгам.

Перелом

Иралия Моисеенко

Зашёл как-то ко мне друг, который и поведал эту историю.

Замечательные 80-е годы. Ленинград. Мастер спорта Александр пришёл на очередную тренировку. Предстоящие международные соревнования по акробатике требуют титанической работы в подготовке к ним. Сегодня предстоит многочасовой труд, напряжённая работа. Уровень требований высокий.

Александр учится в институте физкультуры и спорта им. П. Ф. Лесгафта, единственном в Советском Союзе, где готовят высококлассных спортсменов. За плечами несколько выступлений на международных соревнованиях. Ещё одна победа, и он будет иметь звание мастера спорта Международного класса. Сейчас он входит в десятку лучших акробатов Советского Союза.

На тренировке высокое напряжение, большие нагрузки. Необходимо целыми днями заниматься: подъёмы, обмотки, обрывы, сальто, рандаты, колёса, кульбиты – это прыжки, бег, высокий класс, ответственность представлять свою страну.

Александр возвращается уставший. У него давно своя квартира в Ленинграде. Впереди такая надежда, такая радость, его ожидает новое звание! Это всегда даёт стимул и мотивирует заниматься больше и больше. Нагрузки доходят до предела, иногда кажется, что уже невозможно, тренер усиливает их, он видит, что Александр может.

Внезапное быстрое движение, прыжок! И происходит разрыв ахиллова сухожилия, так называемой «ахиллесовой пяты». Приложенная нагрузка оказалась больше, чем способность сухожилия выдерживать такую нагрузку.

Александра с соревнований снимают.

Нужно уходить из спорта, он уже не может быть спортсменом. Может пройти от шести месяцев до года, чтобы ахиллово сухожилие вернулось к полной силе.

Это – крах!

Крах всего: надежды рухнули. Такая эмоциональная мука! Впереди никаких планов. Всё, что было построено, просто унеслось и невозможно представить, как дальше жить, что делать. Зачем уже этот институт, какой смысл в нём учиться?

Сколько раз у людей бывают такие переломы, когда вчерашняя и даже сегодняшняя жизнь резко прерывается, а у человека нет планов на будущее, нет сил двигаться вперед и жить дальше. Теряется смысл жизни. Это-трагедия.

Александру предлагают работу тренера. Он понимает, что это не его, но пробует. Видя, что должен заниматься с детьми, которые еще ничего не умеют, ничего не знают, он разочаровывается. Его тянет к высоким нагрузкам, в большой спорт.

Александр уходит с работы тренера.

Эта душевная травма настолько сильна, что из неё выбраться невозможно. Утром встаёт, не знает, зачем встаёт, не знает, для чего жить. Всё, что было его, перестало этим быть по независящим от него обстоятельствам, и он уже ничего не может изменить. Он никому не нужен, у него нет другой специальности, даже нет желания что-либо делать.

Как жить?

Саша начинает ходить в кафе, находит друзей, с которыми выпивает. Эти встречи доводят его до состояния неспособности ни работать, ни что-либо делать. Он только сидит с друзьями, которые, зная его заслуги, звание, его имя, периодически ему что-то покупают, подливают.

А Саша сидит и рассказывает о своих победах, тренировках, о том, как это было здорово, как он ездил по городам большого Советского Союза. А какие великолепные снаряды стояли в спортивных залах, а собственная именная форма, дополнительное питание, квартира! У него было всё!

И вдруг он остался никем и ничем. Он сидит и плачет. Друзья ему подливают, чтобы было легче: «На, залей!», – и он заливает. Заливает слезами, алкоголем и просто спивается, начинает деградировать. Саша возвращается к родителям.

Он не знает, как жить дальше. Он пьёт, пьёт. Ему настолько тяжело, что он готов что-то менять в жизни, но не знает как.

Устраивается в организацию, где начинает работать наладчиком. По окончании курсов его посылают на различные предприятия по всей стране для наладки оборудования. Таким образом Александр пытается забыть старую боль, не сидеть дома, разъезжать.

Что он видит? Гостиничный номер, работа на предприятии, где Саша помогает наладке оборудования и затем возвращается назад, в родной город.

Когда в очередной раз выпадает поездка в командировку, еще не зная, что она будет переломной, Саша понимает, что нужно ехать, это его работа.

В одном из городов Александр встречает молодую женщину с ребенком. Она работает на том предприятии, на которое приехал наш герой. Пару раз он заходит помочь ей в квартире, которую она только получила. Девочка, дочь молодой женщины, тепло принимает его. Сама женщина трудолюбивая, красивая и приветливая.

У них завязываются серьезные отношения. Саша нашёл то, ради чего стоит жить. Они соединяют свои жизни, свои судьбы и начинается новая история жизни.

Через год родилась дочь, которая боготворит папу. Чудо случилось!

*Притчи 19:21 «Много замыслов в сердце
человека, но состоится
только определенное Господом».*

Эту и другие байки Иралиш Моисеенко вы можете почитать в ее книге «Вечером у камина».

Зелёный немец

Евгения Насикан

Эта правдивая история была рассказана моим старым другом. Имена, даты, города, названия – всё изменено. Но все совпадения неслучайны.

История эта произошла в Академгородке города Новосибирска. И было это давным-давно в 198.. не помню каком году. И было это зимой, той далёкой, снежной, о которых мы в Москве уже и забыли. Когда столбик термометра опускается так низко, что неважно, сколько там градусов. Там очень холодно! Когда снег летает, кружиться, падает, и никто его не убирает. Дворники успевают только сметать его в сторонку, и к февралю сугробы становятся выше человеческого роста. Это было в те времена, когда за окном воеет метель, а не сирены и глушители, а морозным вечером на улице слепит резкий ветер, а не яркая реклама. Это было в тех местах, где толстая шуба, варежки и меховая шапка не модный прикид, а жизненная необходимость.

И вот в ту далёкую зиму прилетает к нам, в Новосибирский университет, делегация из дружественного нам заграничного института. И в аэропорту встречаем мы давно знакомого по статьям нам коллегу, одетого в пальтишко из чебурашки, кожаные перчаточки и нечто, напоминающее шапочку.

Он, видите ли – «зелёный». Он за то, чтобы не убивать животных. Носить шубу, сшитую из братьев наших меньших, это недостойно. И есть мясо живой твари, это неприемлемо. Это в принципе неправильно. Наш гость жизнь готов положить за Гринпис.

Но таким зелёным наш коллега был, не выходя из самолёта. Уже в автобусе в аэропорту он осознал глубину своих заблуждений. Зимой в Новосибирске наш гость из зелёного очень быстро стал синим. Прямо, синим-синим. Он сначала немножечко побыл красным и трясущимся, а потом перестал связывать буквы в слова и начал синеть.

Поэтому мы доехали до рынка и купили ему валенки, дублёнку, ушанку и толстые варежки. И даже помнится, выпили. Читаю удивление на ваших лицах! Да, друзья мои, учёный «оттуда» легко мог пойти и купить, не то что некоторые...

После чего наш друг Уве торжественно отрёкся от всех своих зелёных убеждений и признал, что, по крайней мере, на нашей территории наших животных можно и нужно убивать, дабы выжить в этой стране.

Но на этом моя история не заканчивается.

Согревшийся и повеселевший Уве изъявил желание погулять по зимнему городу Новосибирску. Напрасно мы пытались его отговорить! Нет, теперь немецкий учёный был уверен в своих силах и в правильности экипировки. Мы сошлись на том, что Уве немножечко погуляет, а как начнёт замерзать, поймает такси и скажет магические слова «Академгородок» и даст сколько-то там рублей. Мы рассчитывали, что произойдёт это достаточно быстро.

В полночь мне позвонил директор гостиницы. Сообщил о том, что зарегистрированный у него иностранный товарищ Уве не пришёл ночевать, и его это беспокоит. Мы созвонились с коллегами и обсудили возможные варианты происшествий. Здесь надо сказать, что кроме слов «Академгородок» Уве знал только два русских выражения. Это были «С Новым годом» и «Пошёл нафиг». Мы стали обзванивать морги и больницы. Но опытный директор гостиницы посоветовал нам звонить по отделениям милиции. Он сказал, что так мы быстрее найдём нашего друга, и вы знаете, директор оказался прав.

Уже второй звонок принёс результат.

– Что? В новой шубе? «Пошёл нафиг» и «с Новым годом»? Так это ваш? У нас отдыхает. Приезжайте и забирайте его.

Из рассказа дежурного мы узнали скупые подробности дневного приключения Уве. Он быстро замёрз, поймал такси, вручил деньги и произнёс магическое заклинание «Академгородок». И такси поехало в Академгородок.

Но ехали они очень недолго. На ближайшем светофоре в течение нескольких секунд остановки к ним в машину неожиданно заскочили две тёмные личности. Странные люди приставили к горлу таксиста и пассажира ножи и предложили отдать все деньги и сменить направление движения. Водитель подчинился, такси свернуло и поехало, куда сказали.

И опять они ехали недолго! На следующем светофоре машина с нашим гостем была блокирована автомобилями патруля милиции, всех вытащили и положили лицом на снег. Дело в том, что бандитов, раздевающих таксистов, оперативники разрабатывали очень давно. И «вели их» не первый месяц. Но нужно было взять с поличным. И вот – получилось!

Разбойников повязали, таксиста отпустили, он сразу после подписания протокола радостно смылся, а вот наш Уве оказался в роли сказочного героя, который забыл слова «сим-сим, откройся». Всё, что он мог произнести, это были выражения «с Новым годом» и «пошёл нафиг». Даже про «Академгородок» забыл. Тогда оперативники решили оставить его у себя и подождать, пока за ним придут. В советское время иностранец не мог быть бесхозным...

Конец был очень счастливый! Мы ехали в такси в гостиницу и спрашивали Уве про его опыт пребывания в обезьяннике. Мы боялись, что он сейчас пойдёт писать всякую гадость, где ни попадя... Но Уве и сам осознавал свою вину, понимал, что был без документов, не знал языка страны и сейчас был в радостном опьянении:

– О нет, ну что вы! Я не буду жаловаться! Я всем буду рассказывать какая прекрасная в СССР полиция! У нас полицейские так быстро не работают! На одном перекрёстке ограбили, а на другом бандитов уже поймали! Наши так не умеют!

Эту и другие байки Евгения Насикан вы можете почитать в сборнике «Апрельские байки».

Все в ваших руках

Наталья Швец

Я родилась и росла в городе. Родственников в селе не было. И только из книг я знала о полях золотой пшеницы, в которой можно укрыться с головой и тебя никто не найдет. И ты сама не будешь знать куда идти, потому, что со всех сторон тебя обступают плотной стеной налитые солнцем и соком Земли колосья. И только синие глаза васильков с любопытством смотрят на тебя – кто ты? И откуда ты?

В городе были парки, было любимое море, был зоопарк и даже букеты синих васильков, а золотых полей не было.

Мечты обязаны сбываться. Насколько я помню, я закончила седьмой класс. В школе нам объявили, что летом мы должны пройти двухнедельную практику. И проходить мы её будем в селе на прополке овощей. Из трёх классов счастлива была я одна.

Пространство перед школой. Автобусы, учителя, родители и мы с вещами. Страхи у всех были разные, у меня только один – сейчас всё отменяют и нас отправят по домам. Обошлось. Мы едем!

Был месяц июнь. Шла уборка озимой пшеницы. В нашей зоне рискованного земледелия другая не растет. Некоторые поля стояли черные, кое-где притрушенные остатками соломы. А вот и поля моей мечты – золотые! Но колосья низенькие, не более тридцати сантиметров. В такой не спрячешься, хоть и стоят они плотно. И никаких васильков. Это называется: поля, чистые от сорняков.

В целом, я была довольна. Вот только колосья подкачали. «Наверное, год сильно сухой и жаркий», – думала я. Ничего, нам обещали и в следующем году такую же практику.

Но и в следующем, и последующем, и до сего дня не встречала я в наших землях пшеницу в человеческий рост. Не растет на полях Причерноморья такая. Ничего, главное, что она есть.

А с васильками я проблему решила после того, как обзавелась небольшой клумбой. Сею их сама. Ведь не обязательно гоняться за мечтой, многое можно воплотить самой.

Зеленая Лодка

Мия Тави

Если точное название – Грин Боат. Один из плавучих баров, припаркованных вдоль набережной Кампота. Были припаркованы. Сейчас их на другую сторону реки перегнали, далеко. Где сейчас Грин Боат – я точно не знаю. А раньше любила туда захаживать, вечером.

Почему? Во-первых, это одна из немногих европейских лодок. Австралийская, если точно. Во-вторых – хозяин. В подобных мелких городках в бары часто ходят на хозяина. Австралиец Тим, с капитанской бородкой и пиратской косичкой. Я его в прошлом году рисовала, уж больно лицо интересное. Так и говорю ему – ты мой любимый пират. Ржет. Когда видит меня «восходящей на борт», кричит по-русски из-за барной стойки – привет!

Третья причина – публика. Я туда хожу, как на рыбалку... Ходила. Кого там только не встретишь.

В этот раз точно не прогадала. Зашла, как обычно, вечером, народу немного. У Тима холодильника нет, зато есть огромный «пиратский» сундук, в котором плавают банки пива вперемешку с крупными кусками льда. Сажусь за барную стойку, заказываю свою «Камбодию». Тим, как обычно, погружает в сундук руки выше локтя, ловит моё пиво. Банки глухо постукивают, лодка чуть колышется, разноцветные огоньки отражаются в воде... Огоньки. Освещение у Тима тоже особенное. Зеленая Лодка – Зеленый Свет. Все сидят, как зеленые человечки.

Так вот, сижу среди всего этого великолепия, а сама смотрю на посетителей.

Бинго! Напротив по диагонали сидит такой кадр... На первый взгляд, ничего особенного, крендель за шестьдесят, прямые, почти седые, волосы, длинная челка... Но лицо! Но взгляд! Молодой, смеющийся... А нос! И вдруг это чудо достает перуанскую флейту и начинает на ней играть. В этот момент решение принимается само собой. Такое упускать нельзя. Вот просто нельзя. Глаза закрыты, а лицо настолько выразительно, настолько лучится музыкой... Феерия.

Неожиданно для себя поднимаюсь со стула и направляюсь к персонажу. Буквально беру его за пуговицу. Фигурально, конечно, какие пуговицы в Камбодже, все в майках. Говорю: «У вас очень интересное лицо. Особенно когда вы играете. Хочу вас нарисовать...» Ну и подробности выкатываю, что надо позировать, и что портрет не отдам, но можно купить...

И чувак соглашается! Буду счастлив, говорит. И даже куплю. И улыбается во весь рот. Я такая – а можно позировать с флейтой? Он – да без проблем.

Что с того получилось? Неплохой портрет, который сейчас в Швейцарии, поскольку персонаж оттуда. Страшно было предлагать портрет с закрытыми глазами, но ничего, прокатило. Хороший друг с массой интересных историй, он сейчас болтается... даже не знаю, где. Индия? Непал? Увидимся еще, непременно. И ощущение, что надо делать то, что хочешь. И когда хочешь.

Все правильно, Зеленая Лодка – зеленый свет.

Оставляйте добрые следы

Иралия Моисеенко

На море сегодня штиль. Солнце светит ярко. Начало апреля.

Мы с детьми вышли погулять на берег моря. Солнечные блики по всей поверхности воды переливаются. Волны лениво и тихо накатывают на берег, говоря о том, что море – живое. Раньше оно заливало пляж, а сейчас отошло, и открылся берег с еще сырым и потому темным песком.

На берег выбросило камни, ракушки. Мы ходим и собираем наиболее интересные экземпляры. Рапанов уже не найти. Их собрали дети. Да и взрослые берут для поделок, чтобы потом продавать приезжим.

– Бабуля, смотри, что я нашёл, – Алеша передаёт мне интересную почти круглую ракушку.

– А у меня вот что, тебе нравится? – спрашивает Лизонька и протягивает мне удивительной формы камешек под цвет зеленого гранита и перламутровую ракушку.

– Какие вы внимательные, дорогие мои! Это же чудо, которое нам оставило море, а вы нашли.

Я складываю находки в пакетик: средние и маленькие камешки, черные, оранжевые, серые. Ещё интересные ракушки, например, совсем маленькие розовые, с ноготок, или продолговатые тёмно-коричневые с разводами.

Алеша набрал мелких камешков полный карман. Лизочка, как художница, выбирала особенные, разной формы, с разводами или какой-то отметинкой.

Я любовалась необъятностью лазури моря. Глядя на берег, где много выброшено ракушек, вспоминала, что в море тоже кипит своя жизнь. Кого там только нет?

Все мы в детстве смотрели популярную передачу «В мире животных». Конечно, мы знали о жизни в море и океане, но как-то не задумывались об этом, когда приходили на пляж загорать и купаться.

Мне представилось море как жизнь человека. Там рождение, радость, печали, мечты, встречи и разлуки, смерть. И этот круговорот постоянен, как на земле. И вот горизонт вдали. У каждого свой. Какой он? Что там?

У одних это конец всего. У других он недостижим, чем ближе к нему приближаешься, тем дальше он отодвигается. И там бесконечность...

Алешка стал бросать камешки в море. Чем более плоско бросишь, тем дольше камешек подпрыгивает по воде и тем больше кругов от него отходит в разные стороны.

– А ты так умеешь? – спрашивает он сестру.

– Ой, а что тут уметь-то? – парирует она.

Елизавета поднимает небольшой и плоский камешек и с размахом бросает его в воду.

– Один, два, три, четыре, пять, – считает круги брат.

Он приготовил камень побольше, бросил его высоко, и только четыре круга разошлись.

– Вот и не воображай в следующий раз, – сказала Лиза.

Но парень не хочет быть проигравшим. Он продолжает бросать и бросать камешки. Упорный. Мы с моей девочкой ходим по берегу и мирно беседуем.

– Бабулечка, смотри! – зовёт меня Лёшик.

Мы возвращаемся, и он бросает плоский камешек осторожно и в то же время резко.

– Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять! – кричит он. – Видела?

– Подумаешь – фыркает Лиза. – Я бы постояла тут 20 минут и у меня бы получилось!
А до десяти всё равно не дотянул.

– Вот так, как круги от брошенного камешка расходятся в воде, так и от человека его дела. Сколько добрых дел он сделал? Или злых? Только если вода в море быстро успокаивается, то последствия наших дел могут оказывать своё влияние на всю жизнь человека.

– Как это? – не понял Алеша.

– Давай подумаем. Если мама бросила ребенка, это скажется на всей его жизни?

– Ужас! – говорит Алеша.

– Конечно, скажется, еще как! Он потом всегда будет искать кого-то, кто мог бы стать на место мамы, – не задумываясь, отвечает Лизочка.

– Правильно. А если другая мама воспитает этого ребенка, сделает доброе дело, это повлияет на его жизнь?

– Думаю, да. Ведь ему будет хорошо с ней, она будет его любить. – Размышляет Алексей.

– А если возьмёт, но не будет любить? Вот не сможет прилепить своё сердце. Если будут свои дети и она будет сравнивать этого ребенка со своими. Свои всегда будут казаться лучше, потому что это же она их воспитала.

А если еще приёмный ребенок станет непослушным или тоже не сможет принять маму, тогда оба будут несчастными.

– Да ну нет. Разве так бывает, бабуля? Лучше уж не брать тогда ребенка, чтобы не делать ему потом больно, – воскликнул Алёша.

– Всё бывает, сыночек. Жизнь сложная штука. Но, я думаю, что приёмная мама всегда будет стараться изменить ситуацию. Бог даёт матери мудрость и любовь!

А вот подумайте ещё над таким примером. Мужчина напился и после вечеринки ехал домой в машине. На повороте резко повернул и сбил женщину. Она попала в больницу. Ей отрезали ногу. Скажется это на всей её жизни или нет?

– Конечно, скажется. И не только на её. На всей семье, ведь теперь всем придётся помогать ей, а её могут уволить с работы, – поморщился внук.

– А через несколько лет один меценат поможет этой женщине поставить современный хороший протез. И это тоже изменит качество её жизни.

Таких примеров можно приводить множество. Преступники портят жизнь людям, порой отбирая у них последнее, а другой человек поделится с ближним своим последним. Обманщики делают зло, заявляя, что пошутили, а человек потом годы не может справиться с болью.

Хороший учитель может многому доброму и полезному научить, что потом пригодится в жизни человеку.

А вы слышали про мать Терезу? Сколько доброго она и сёстры её ордена сделали людям! И даже в последний путь провожали человека.

– Как это в последний путь? Это куда? – спросил Алёша.

– Это на кладбище, понял? – сказала Лиза.

– На кладбище их провожали другие, а вот сказать умирающему о покаянии они успевали до того, как он отойдёт в мир иной.

Получается, что добрые дела и на пребывание в вечности влияют. Видите, как важно следить за собой: какое влияние наши дела оказывают на будущее наше и других людей. Ведь ни один не останется ненаказанным, кто делает зло ближнему своему. Даже если не сразу придётся отвечать. Бог даёт время на раскаяние и исправление своих ошибок.

Оставляйте только добрые следы!

Они записываются, как и злые.

Потом Бог вам их предъявит.

Что скажете Ему?

А какой след вы оставляете в жизни других людей?

*Эту и другие байки Иралии Моисеенко вы можете почитать в сборнике «**Вечером у камина**».*

Раздолбай

Анна Найдек

Хотите, расскажу про орхидеи. Мне они, конечно, нравятся. Но вот я им – не очень.

Помню, как-то на юбилей подарили мне нежно-сиреневую орхидею со множеством «деток» -бутонов. Обрадовалась! Будет в доме жить такая изысканная красота. А к орхидее в компанию шло оригинальное дополнение – живая бабочка немислимых размеров. Крылья – с чайное блюдце, хищного оранжево-чёрного окраса. Высадился этот десант в гостиную. Орхидея стоит себе и стоит – пройду мимо, полюбуюсь. А бабочка где-то сразу скрылась в глубинах быта. Ну, думаю, захочет – покажется. У меня дома – никакого насилия.

Поздним вечером устроилась с планшетом на диване, интернечу. Вдруг в темноте происходит какое-то невидимое движение. Только волосы слегка шевельнулись. Списала на сквозняк. И глубже в сеть ушла. Через время прямо надо мной промелькнула большая густая тень. Что-то пролетело! Молчаливое, мрачное, бесстрастное. Сердце заколотилось, нащупала выключатель. Включила свет – никого и ничего.

А у меня уже был заполошный опыт, когда в дом залетела летучая мышь. Страху тогда набралась порядком. Вернее, не столько страху, сколько омерзения. Представляете, набрасывала на эту тварь белую простынку, чтобы поймать. Прямо в лучших традициях хоррора! Поймала! Бр-р-р-р! Это ощущение тёплой трепещущей плоти в руках! Никогда не забуду!

И вот – перспектива повторения. Нет уж! Буду начеку. Свет врубил на полную. Жду начала ужастика. Но – тишина, ничего не происходит. Взгляд падает на орхидею. А на ней странный живой цветок образовался, в оранжевом колоре. Стало все ясно.

В общем, бабочка потом ещё пару раз показалась на глаза – и исчезла. Куда – не знаю. Интересно, сколько им положено по статусу радовать именинников? А орхидею пришлось отдать подруге – через пару недель я улетела на другой конец мира, а дома ухаживать было некому.

Зато у меня есть другое растительное чудо! Такое редко у кого встретишь. Название не спрашивайте – не знаю. Да хоть бы – раздолбай. Ему подходит. Могу описать. Из огромного как бочонок горшка торчат во все стороны сотни упругих прочных прутьев с блестящими плотными листочками. Каждый стебель – до полутора метров длиной. Руками разорвать его невозможно, нужен секатор.

А восковой листочек – отдельная сказка. Под каждым спрятаны крошечные золотистые цветочки, растущие прямо их середины листика. Чтобы разглядеть цветок – надо потрудиться, заглянуть под лист, надеть очки. И будет вам умиление.

Предок раздолбая жил до войны в семье киевского врача. В эвакуацию вазон взять с собой не смогли, поэтому просто вынесли на парадное к окну. Добрые люди, даст Бог, не дадут засохнуть. И он дождался своих! Когда вернулись через четыре года и стали подниматься на свой третий этаж – увидели человека, идущего навстречу с родным горшком. Всю войну простоял, а вот именно в этот день на него кто-то глаз положил. Конечно, горшок отдали. А вазон зажил в семье гуще прежнего. Вот от этих людей я и получила лет двадцать назад диковинный изумрудный пучок.

Мой роскошный растрёпыш каждую весну переезжает на балкон, типа «на дачу». Грива зелени фривольно расплзается во все стороны и свисает патлами на улицу. Он виден с любой точки двора, а может и мира.

А вы говорите – орхидеи...

*Эту и другие байки Анны Найдек вы можете почитать в сборнике «**Бася роняет тень**».*

Сладкий клад в стиральной машинке

Ирене Крекер

Иван Альбертович, частый гость посиделок у камина, был сегодня необычайно задумчив. Ему вспомнилась неприятная история, происшедшая много лет назад, когда он, молодой шахтёр, проживал в одном из сибирских городов и воспитывал двоих детей от первого брака жены.

– Как сейчас помню, – начал он медленно свой рассказ, – решил я в один из редких выходных отремонтировать старую стиральную машину, которая уже несколько месяцев стояла без дела в углу нашей спальни. Приготовил кое-какой инструмент, выдвинул стиралку на середину комнаты, поднял крышку и – удивился, увидев в ней необычную картонную коробку, закрытую крышкой с удивительно ярким рисунком. У нас с женой друг от друга секретов не было, поэтому, прежде чем открыть коробку, я на минуту задумался: «Не моя тайна, не буду вмешиваться в женские дела, подожду, пока сама расскажет о покупке. Или это подарок? От кого?».

Вечер задался спокойный. Теплая домашняя обстановка не располагала к вопросам о происхождении какой-то картонной коробки, нашедшей себе место в старой стиральной машине. Не стал я в тот вечер нарушать семейную идиллию, но мысль: «Что же хранится в этой картонной коробке?» – не оставляла в покое. К концу недели сознание выдало новое предположение: «Наверное, жена подарок себе приобрела, но до поры до времени помалкивает?» – подумал я и даже на время успокоился.

Через несколько дней, когда дома никого не было, я, как малолетний пацан, вытащил коробку на свет, открыл её, и – оторопел, еле устоял на ногах, хорошо, что стул вовремя подвернулся под руку. Сажу и думаю: «Так это же клад! Целое состояние! Коробка яств заморских». Шоколад разных сортов бросился в глаза, сам-то тоже сладкожкой в детстве был. Другие сокровища рассматривать не стал. Припомнился лишь рассказ жены, что в город приехал Парк аттракционов из Чехословакии, так называемый Лунный парк, или что-то в этом роде, и что дети от него без ума.

«Может, сходим туда все вместе, – предложила жена, – прогуляемся, отдохнём, и детям – в радость, и нам – развлечение.»

Я тогда, помнится, мимо ушей эту новость пропустил, даже не ответил отказом, просто промолчал. Не умел смотреть в её любовью наполненные глаза и отказывать, язык не поворачивался. На тот раз обошлось. Жена больше не настаивала, а я был рад, что можно в выходной спокойно отдохнуть на диване. «И – вот плоды моего молчаливого отказа. Что же делать теперь? Что предпринять? Сделать вид, что не видел, отложить ремонт машины на неопределённое время? Понаблюдать за действиями сына? Застать его врасплох? Но ведь сколько денег в это богатство вложено? Откуда он их взял? Занял? Украл? Деньги у нас всегда лежат в одном месте. Дети знают об этом тайнике...»

В тот момент я так и не решил, что делать дальше. Звонок в дверь, голоса жены и сына, вошедших в переднюю, подействовали на меня как электрический ток. Я резко вскочил со стула. Коробка опрокинулась на пол, и все сокровища рассыпались по комнате. В сердцах я крикнул: «Этим можешь теперь питаться до конца недели». Выскочил из комнаты и закрыл за собой дверь.

Об этом инциденте в семье никогда больше не говорили. Не знаю, о чём думала тогда жена? Как и о чём говорила она с сыном? О чём думал он и думал ли вообще?

А недавно, через три десятилетия после этого случая, сын, ставший к этому времени удачным бизнесменом и влиятельным человеком в городе, сказал в один из приездов домой:

«Знаешь, отец, тот случай с луннопарковыми сокровищами стал для меня незабываемым уроком. С того дня рука не поднималась взять чужое. На всю жизнь отрезало. Спасибо за науку».

Неожиданно для меня сын открыл свой чемоданчик с документами и достал оттуда пожелтевшую от времени обёртку импортного шоколада. «Вот, на память тогда оставил». Я прошёл в соседнюю комнату, порылся в шкатулке и нашёл такую же обёртку, которую почему-то не выбросил в течение многих лет. Куски обёртки шоколада сложились в одно целое.

Да, грехи наши тяжкие. Главное – научиться их признавать, вовремя благодарить и прощать себя и других.

Эту и другие байки Ирене Крекер вы можете прочитать в ее книге «Байки тётюшки Ирене».

Колоски и отсутствие сожалений

Елена Шмелева

Мама с детьми стояла у дороги и всматривалась в даль:

– Дети, помните колоски? Когда вы были маленькими, здесь росла пшеница.

– Нет, тут все время была какая-то стройка, – ответил сын.

– Раньше были поля, – продолжила мама. – Мы любили в августе набирать себе целые карманы колосков, потом садиться в укромном месте, в шалаше, который мы строили из веток, и есть пшеницу. Покатаешь в руках золотистые соцветия, высыпаются зернышки. Дунешь, чтобы лишние, закрывающие их пленочки, разлетелись, пересыплешь из ладошки в ладошку и в рот. Жевать можно долго. Зернышки твердые, если съесть целую горсть, то это особенно вкусно.

Мама улыбнулась пришедшим воспоминаниям и продолжила рассказ:

– Однажды я вышла гулять с ножницами. Девчонки удивились. А я им объясняю, что у меня заказ от мамочки. Она хочет в вазу засушенные колоски поставить, чтобы зимой напоминали о лете. Девчонки вместе со мной пошли собирать букетик, находили мы самые ровные и большие соцветия. Подружки предлагали еще рожь и овес нарезать. Но у меня «заказ» был только на колоски.

– А почему другие растения ты не стала срезать и засушивать? Чем они хуже? – поинтересовалась дочка.

– Рожь и овес хороши по-своему. Мы их тоже собирали, делали с девчонками икебаны. Астры срезали, золотые шары. Веточки, травы – все, что можно в букет запихнуть, приносили домой. В выходные на дачу ко всем родные приезжали, вот для них невероятные букеты делали, старались удивить гостей.

Мама медленно шла вдоль дороги и вспоминала:

– Пшеничные колоски всегда были самыми любимыми. В августе стояли они на поле, тяжелые головки вниз опущены, ждали, когда комбайн придет убирать их. А мы с ребятами мечтали: «Скорей бы!» Солома на поле останется, ее в огромный стог сложат, вот удовольствие нам! Вон он там стоял, – мама указала рукой и стала рассказывать дальше. – Влезем на самый верх гигантского стога. Пахнет пылью. Солома колючая, все ноги и руки в мелких ранках потом, водой из родника промоешь – щиплет. Но как же не лазить? Мальчишки роют ямы в стоге, прячутся, пугают нас: «Вон мыши, сейчас они вас съедят». А девчонки визжат. Взрослые ругались, что мы стог разваливаем, но это же самое любимое развлечение на даче: скатываться с соломенной горки.

– Мам, ну, что ты так грустно на поле смотришь? Колоски жалко, что не растут? – дочка обняла маму.

– Да. Поймала себя на сожалении и о них, и о прошлом. Мне и колоски жалко, и как-то сразу вспомнились все: нереализованные планы, упущенные возможности, – загрустила мама.

– Ты же сама говорила, что сожаления отнимают силы, замедляют движение вперед, – сын уверенно произнес фразу и тоже обнял маму.

– Похоже, мне саму себя сейчас нужно убеждать, что упустить возможность не страшно. Обязательно появится какая-то другая. Мне есть на что потратить силы, уж точно не на сожаления, – мама улыбнулась детям. – А колоски найдем где купить, продается же букет из сухоцветов «Пшеница».

Молодая женщина подумала: «Удивительно и прекрасно, что поддержку можно получить от сына и дочки. Как здорово, что дети учат нас, взрослых, нашим же фразам.»

*Эту и другие байки Елены Шмелевой вы можете почитать в ее книге «**Баклажановый сироп**»*

Поджигатель

Елена Лукинова

История, которую хочу рассказать, случилась давным-давно. И ко мне попала не из первых уст. Но она достаточно нестандартная и, надеюсь, будет читателям интересна.

Очень много лет назад в одном селе сгорела хата. Такая себе никудышненькая, покосившаяся, под камышовой крышей.

Беда для многочисленного семейства. Одно хорошо-все остались живы.

И вот всем миром, точнее селом и силами колхоза отстроили погорельцам новый дом. Добротный, красивый, ладный. Да ещё и под черепичной крышей.

В соседнем молодом недавно отстроенном селе,, Путь Ильича « все крыши были черепичными. И этим очень гордились и хвалились путыльичевцы.

А тут, на тебе – не было бы счастья, да несчастье помогло.

Новоселье отпраздновали шумно и радостно всем гуртом. Председатель колхоза после стандартной речи о коллективизации, о коммунизме, о светлом будущем и идеалах революции, подарил деткам счастливого семейства корзину с мандаринами, сказав, что не далёк тот день, когда вот такое чудо будет выращиваться в их колхозных садах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.